

Парии

Тихо в эфире звеня, мчались миры за мирами. Слушая гармонию вселенной, Брама воскликнул:

— Как прекрасен мой мир. Как прекрасен! И с любовью остановился его взгляд на земле. — Моя земля!

Цветы благоухали, птицы пели, звенели ручьи и шумели леса.

Аромат цветов, блеск звёзд, сияние молодых зарниц и щебет птиц, — всё сливалось в гимн небу и несло к Бrame. И, внимая этому гимну, Брама воскликнул:

— Хочу гостей на пир! На мой пир!

И сорвал Брама цветы, и кинул их в зеркальную гладь океана, и наклонился он над океаном и воскликнул:

— Из вод, освещённых блеском глаз моих! Из вод, отразивших лицо моё, лицо бога! Из прекрасных благоухающих цветов! Явитесь создания, подобные мне! На счастье, на наслажденья явитесь. На счастье, о котором может грезить только моя бессмертная мысль! Явитесь! Я вас зову!

И из цветов расцвели люди. Существа прекрасные и совершенные. Все люди были парсами, все благородны.

— Наслаждайтесь! — воскликнул Брама. — Весь мир отдаю вам! Всё вам принадлежит! Всё для вас!

И Брама одарил людей.

Он дал им зрение, дал обоняние, дал вкус, дал осязание, дал слух, — чтоб и кудрявые рощи, и цветы, и плоды, и пение птиц, и сами люди доставляли наслаждение друг другу.

Бананы, пальмы, хлебные деревья несли им свои плоды. Гремучие ручьи приносили кристальную воду.

— Пируйте!

Когда же люди уставали от пира, солнце закатывалось, чтобы не мешать их покою. И чтобы человек мог любоваться своею прекрасною подругой, на небе загорались звёзды и нежно освещали землю.

Люди были счастливы, и Брама был счастлив в небесах их счастьем.

Он лежал на розовых облаках, слушал гармонию вселенной и предавался покою.

Как вдруг чудную гармонию прервали странные, неприятные звуки. Грозные, зловещие. Как шум приближающегося прилива, который шелестит морскими камешками. Звуки неслись с земли.

— Что это? — поднялся Брама. — Звуки раздражения? Гнева?

— Хуже! — ответил чёрный Шиву.

— Негодование? Возмущенье?

— Хуже! — ответил чёрный Шиву.

— Непокорство? — загремел Брама.

— Хуже! — ответил чёрный Шиву. — Твой мир зевает! Твой мир скучает! Из звуков мира это худший, гнуснейший, — звук скуки! От скуки зевает твой мир!

И с розовых облаков спустился к земле великий Брама. Спрятанные от палящих лучей солнца благоухающею тенью розовых кустов, прохладною тенью рощ, освежаемые шёпотом ручьёв, — сонные, жирные, откормленные, как свиньи, лежали люди. Без мысли в глазах, с заплывшими лицами. И зевали от скуки:

— Мы превращаемся в скотов! Стоило давать нам божественную душу! Мы обречены на гнуснейшую из мук — на скуку. Этой пытки, кроме нас, не знает ни одно из существ, живущих на земле!

И Брама в ужасе подумал:

«Разве нет у них глаз, чтобы видеть прелести мира? Разве нет ушей, чтобы слушать щебет птиц? Разве нет вкуса, чтобы лакомиться сочными и зрелыми плодами земли? Нет обоняния, чтобы вдыхать аромат трав и цветов? Разве нет рук для объятий?» И на божественную мысль донеслось эхом с земли:

— Подруга — вот она! Плоды — не надо протягивать руки, валятся с деревьев. Птицы без умолка звенят, цветы без умолка пахнут. Не может родиться желаний. А душа живёт желаниями, одними желаниями!

Улыбнулся Брама и взглянул на кусты и рощи, заплетённые лианами. И от взгляда его из рощ и кустов вылетели стада быстроногих серн, с ужасом взглянули прекрасными глазами и, как молния, сверкнули по лугам.

— Какие прекрасные зверьки! — воскликнули женщины, вскочили и от радости захлопали руками. — Достаньте, достаньте нам их!

— Кто достанет скорее? — воскликнул юноша и бросился за убегающей серной. — Кто скорее? Кто скорее?

Мужчины кинулись вперегонку за мелькавшими, как молния, красивыми зверями. Женщины радостно хлопали в ладоши. Смех, радость, веселье зазвенели над землёй. И поднявшись на своё небо, Брама с насмешкой посмотрел на чёрного Шиву, который лежал на грозовой туче, лежал и не спал, не спал и думал. Брама погрузился в розовые облака и под песню вселенной начал дремать, — как вдруг его разбудил грозный голос чёрного Шиву.

— Твоя земля мешает мне спать! Запрети ей нарушать песню, которую поёт нам вселенная!

С земли снова, разрывая гармонию вселенной, неслись плач, — стон и крики.

— Твой мир зевает! — сказал чёрный Шиву.

И Брама вновь спустился к земле. Теперь плакали женщины. Они ломали себе руки.

— О, мы, несчастные! Прежде нас развлекали хоть ласки! Теперь мужчины все ушли на охоту. Что ж остаётся нам? Скучать и тосковать?

Улыбнулся на их жалобы Брама.

И из свиста птиц, звона ручья, шелеста листьев создал им песню.

— Веселитесь, дети!

И зазвенела песня над землёй и, как лучшая из роз, вплелась в венок гармонии вселенной.

И Брама, спокойный и радостный, унёсся в свою голубую высь. И задремал.

— Замолчит ли твой мир? — разбудил его громовый голос Шиву. — Его всхлипыванья мне противны, как хрюканье свиньи, затесавшейся в стадо белых, тонкорунных коз. Среди их серебристых, нежных криков это хрюканье звучит гнусно! Развлекайся, если ты хочешь, сам, но не отравляй моего покоя! Заставь свою землю петь как следует! Согласно со всеми мирами! Или пусть замолчит! И исчезнет!

И в ужасе от слов Шиву Брама спустился к земле. Теперь вопили мужчины.

— Охота! С тех пор, как мы достигли в ней искусства, — какое же в этом удовольствие! Подстерегать глупых серн, когда умеешь делать для них засады! Что за глупое развлечение для существа, одарённого умом! У женщин, — у тех есть хоть песни! А у нас?

И глядя на валявшихся в скуке и безделье людей, Брама со вздохом взглянул на всё остальное. Кроме человека, как счастливо всё остальное. Ничто не знает покоя, скуки. Всё скользило в глазах Браммы.

Скользили тени пальм, послушные движенью солнца. Мерно поворачивали лилии вслед за солнцем свои цветы, чтоб солнце всё время смотрело в глубину их чаш.

Скользили мерно и плавно на небе звёзды, плавно шло солнце, плыла луна. Мир вёл хоровод. И Брама воскликнул:

— Пляшите!

Женщины, схватившись за руки, в плавной и мерной пляске понеслись по земле, — и восторгом загорелись глаза мужчин.

— Никогда женщины не были так прекрасны!

Когда же женщины, в сладком изнеможении, смеющиеся, покрасневшие, попадали на зелёную траву, — тогда мужчины сказали:

— Теперь смотрите вы! Мы будем тешить вас пляской!

И под мерную музыку топота пляшущих людей счастливый и успокоенный Брама вернулся к себе на небо и ласково сказал Шиву:

— Ты слышишь?

Чёрный Шиву молчал.

Брама спал и видел лучший из своих снов — землю, мир радости и наслаждения, — когда его разбудил громовый голос Шиву.

— Вот громы! Вот молнии! Вот тебе мои чёрные тучи! Одень ими землю! Разбей её молниями! Потряси и разрушь громами! Жаль? Дай мне! Я брошу в неё первой попавшейся планетой! И превращу её в пыль! Будь проклята она! От её воя я не могу заснуть! Ты слышишь? Зачем понадобилось создавать землю? Чтоб исчез покой из вселенной?

Земля рыдала.

Испуганный спустился к ней Брама.

— Зачем нас создали? — вопили люди. — Для муки? Для величайшей из мук? Что может быть мучительнее: увеселять друг друга, когда нам скучно?

— А! Недовольное племя! — воскликнул Брама. — Вам скучно даже самим увеселять себя! Так нате же вам!

По деревьям запрыгали обезьяны, к ногам людей, красиво извиваясь, подошли хорошенькие кошки, забавные крошки-собачонки, — словно зазвенели серебряные колокольчики, — залаяли в кустах, на изумрудной зелени лугов разлеглись пёстрые жирафы, красивые быки, заржали статные кони. Люди воскликнули:

— Как всё это хорошо!

Медленно, усталый от творчества, Брама возвращался утомлённой походкой на небо и не дошёл ещё до своих розовых облаков, жилища вечного покоя, как вновь гармонию вселенной прорезал недовольный крик людской. — Да эти животные перестали быть занимательными! Разжиревшие быки были просто противны, — не могли подняться с места, кошки и собаки спали, жирафы лежали где-то в тени и от тучности не хотели выходить, заплывшие жиром кони не ржали, лежали и спали.

— Неужели, — кричали люди, — неужели нельзя выдумать ничего, что всегда бы доставляло нам развлечение, что не заплывало бы жиром, не валялось бы от тучности, как свинья, как мы сами?

И встал тогда Шиву, и протянул он Бrame чёрную руку свою:

— Века веков с тобою мы враждуем! Века веков делами, словами и мыслью, молча, спорим мы! Мира не было, а мы существовали и спор вели! Ты, белый, как снег, — я, чёрный, как презренный ком земли. И только потому, что чёрен я, — ты сверкаешь белизною. И только потому, что ты бел, как снег, видно, что я чёрен, как комок грязной земли. Я предлагаю мир. Восстановим гармонию вселенной! Я помогу тебе и создам занятие твоим людям, чтоб не слышать нам среди песни радости противных завываний скуки, зевоты! Как вой шакала, донёсшийся на пир, — она противна. Вот моя рука тебе на помощь. Принимаешь?

И Брама протянул ему свою белую руку. Чёрный Шиву спустился к земле и воскликнул:

— Бесплодные камни пустыни! Вечно голодные гиены! Холодные жабы, выползающие из сырых расселин и не могущие согреться на солнце! Всё, что есть забытого при мирозданье, отверженного, проклятого, — пусть всё

соединится вместе! Смешается в одно! В одно существо! И взглянет в мои не знающие покоя и сна глаза! В мои измученные бессонницей и завистью глаза. Своим взглядом я дам душу!

И Шиву когтями разодрал землю, и из разодранной земли появился парий.

Скелет, обтянутый кожей. С высунувшимися рёбрами. С волосами, сколотившимися в ком грязи. С глазами, постоянно в ужасе видящими голодную смерть.

А Шиву держал открытыми разодранные края земли. И оттуда лезли, лезли, лезли парии. И куски земли, скатываясь по краям разодранной земли, глухо рычали, как комья, скатывающиеся в могилу.

И с этим рёвом могилы родились на землю парии. И взглянул на них Шиву, и от холода задрожали их костлявые тела.

И Шиву проклял их великим и страшным проклятием своим:

— Нет для вас сна! Не будет покоя! Смотрите, как прекрасен мир. Всё это не для вас! Пусть деревья выше вырастают при вашем приближении, когда вы, умирая от голода, захотите сорвать плод. Пусть ветер, навевающий сладкую прохладу на всех, ураганом дует вам в лицо! Для вас пусть вырастут шипы на розах и ранят вас! Пусть лианы сплетаются для вас в непроходимые преграды! Пусть вихрь срывает листья с деревьев, когда вы захотите спрятаться в тень от палящих лучей солнца. Пусть оно, всему дающее жизнь, вас жжёт, как огонь! Пусть дождь, живительный дождь, на вас льёт ледяными потоками. И тихие зарницы, украшение неба, громами гремят над вашими головами! Пусть гроза вас всегда встречает среди поля! Пусть вспыхивает огонь, когда вы захотели бы искупаться, разливаются реки, когда вы захотели бы согреться. Пусть одни только звёзды служат вам! При свете их чтоб рассмотреть горло у соседа! Душите друг друга во тьме, при трепетном мигании звёзд. Душите, — это моё проклятие!

И ужаснулся Брама, когда увидел при дрожащем испуганном мерцании звёзд выползавших из земли с могильным рёвом толпы париев.

— Зачем ты создал этих несчастных? Зачем? — спросил он у Шиву.

Чёрный Шиву улыбнулся в ответ:

— Я знаю. Молчи. Теперь можно спать спокойно. Твоим людям, твоим благородным парсам есть занятие. Им дана игрушка.

И боги заснули.

В первый раз заснули все боги со дня мироздания. Среди ночи проснулся Брама, прислушался. Каждый мир, звеня в эфире, пел свою песню. И все эти песни сливались в дивную гармонию. Но лучшая из всех песен неслась с земли. Изумлённый, тихонько по облакам спустился с неба Брама и приблизился к земле. От земли несло благоуханье. И на благоухающей земле не спали люди. При свете костров они горячо говорили, глаза их горели. И скуки больше не было на земле.

— Кто может спать? — говорил один парс. — Кто может спать, когда вот там, в кустах, несчастные парии душат друг друга?

И все повторяли как эхо:

— Кто может спать?

— Бедные парии! — воскликнула одна женщина. — Что я могу сделать для них? Скажите мне, научите только! И я сделаю всё! Всё!

И слёзы блистали на её глазах, и видно было, что она говорит правду.

— Если б я мог разрезать своё тело на части и утолить голод париев! — восклицал юноша. — Я сделал бы это. Скажите, это поможет? Я готов.

И слёзы блистали на глазах его, и видно было, что он говорит правду.

И от их порывов, как дивные струны, чудными звуками дрожали их души.

И каждый этот звук родил отклик в душе Браммы. И как арфа звенела и пела песнь душа Браммы.

— Моя душа полна теперь любовью!

— Моя душа полна сострадания!

— О, великодушие! Может ли что быть лучше тебя!

Так восклицали все.

И глаза их сверкали слезами, и видно было, что они говорят правду.

— У меня десять прекрасных запястьев! Вот одно! Пусть кто-нибудь из париев украсит себя, всё-таки это скрасит ужас его наготы!..

— У меня всего два ожерелья. Но вот одно, — кто даст за него десяток кокосовых орехов? Пусть едят парии!

Толпа молодых девушек сидела отдельно с глазами, полными слёз:

— Что можем мы сделать для несчастных париев? У нас нет ещё мужей, а потому нет ни запястий, ни ожерельев. Что умеем мы, выросшие в счастье, без забот? Петь и плясать!

И одна из них воскликнула:

— Есть люди, которые любят смотреть хорошие пляски и слушать хорошие песни. Идём! Мы будем петь и плясать для них, а они пусть за это дадут бананов, хлебных плодов, кокосовых орехов!

И они радостно пели и плясали, чтоб накормить париев. И кричали:

— Идите смотреть наши пляски! Идите слушать наше пение! Самые лучшие песни! Самые красивые пляски! Самые искусные певцы и певицы! В пользу париев! В пользу париев!

И над скучавшей когда-то землёй звенели песни, гремел топот плясок.

И сердца вспыхивали вдохновением.

Этот говорил прекрасные речи, которые вызывали святые слёзы на глаза слушателей. Тот слагал вдохновенную песнь.

Так родилась на свете поэзия, милосердие, так родилась любовь.

И чем сильнее были парии, тем сильнее раздавались голоса в честь них, тем звонче и восторженнее звенели песни, тем громче раздавался мерный топот пляшущих, чтоб утолить голод париев.

— Остановитесь! Остановитесь! — раздался голос в ночной тишине. — Человек, который идёт к нам от париев!

И из тьмы на яркий свет пред толпою вышел самый вдохновенный из певцов.

Он был у париев, видел их, знает о них. Он запел. Он пел:

— Природа нарочно одела кокосовые орехи твёрдою скорлупой, — чтоб, падая, эти орехи разбивали головы париям. То, что несёт вам пищу, им несёт смерть! Природа снабдила даже розы шипами, чтоб колоть им руки. Природа разослала по траве гадов, змей, скорпионов, — чтоб жалили и не давали заснуть в траве парию. В отчаянии от голода, в безумии от бессонных ночей они душат друг друга.

И вся толпа восклицала:

— Как верно! Как сильно! Как хорошо он поёт!

И схватили певшего скорбную песнь вдохновенного певца на руки, и прекраснейшие из девушек надели на голову его венок из лучших цветов.

И все сердца бились милосердием, великодушием, любовью. И с радостью слушал эти струны сердца Брами. Но с радостью смотрел и чёрный Шиву. А Вишну воскликнул, глядя на всё с лазурного неба:

— Стоило создавать мир!